

Солнышкина Марина Ивановна, Казачкова Мария Борисовна, Калинин Татьяна Евгеньевна
ЭКЛЕКТИКА ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОГО ДИСКУРСА: НОРМА ИЛИ НАРУШЕНИЕ?

Представленная статья описывает неоднородность текстов ряда современных дискурсивных практик, актуализируемых в профессиональном общении. В основе исследования - функциональная классификация, разделяющая дискурсивные практики на интрапрофессиональные и интерпрофессиональные. Гетерогенность, неоднородность, "негомогенность" доказываются на примере текстов ряда дискурсов: юридического, авиационного, железнодорожного, педагогического, промышленного, морского и др.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2015/12-1/44.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2015. № 12(54): в 4-х ч. Ч. I. С. 164-168. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2015/12-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

**A QUESTION AND AN ANSWER FROM THE VIEWPOINT OF SCIENTIFIC THEORIES
AND “NAÏVE” CONCEPTS WITH REVEALING THEIR ASSESSMENT IN THE METALINGUISTIC
CONSCIOUSNESS OF WELL-KNOWN REPRESENTATIVES OF AN ENGLISH-SPEAKING SOCIETY**

Sokolova Natal'ya Yur'evna
Saint-Petersburg State University
nataliasokolova85@yandex.ru

The article gives scientific opinions and “naïve” points of view on the essence of such speech components as a question and an answer. By the material of the statements of well-known English-speaking workers of culture, science and social sphere, the subject of which are a question and an answer, the features of an evaluative component are revealed, which the metalinguistic consciousness of successful representatives of English-speaking society correlates with the speech units under study.

Key words and phrases: question; answer; question and answer unity; dominance of a question over an answer; evaluative component.

УДК 811.512.145

Филологические науки

Представленная статья описывает неоднородность текстов ряда современных дискурсивных практик, актуализируемых в профессиональном общении. В основе исследования – функциональная классификация, разделяющая дискурсивные практики на интрапрофессиональные и интерпрофессиональные. Гетерогенность, неоднородность, «негомогенность» доказываются на примере текстов ряда дискурсов: юридического, авиационного, железнодорожного, педагогического, промыслового, морского и др.

Ключевые слова и фразы: дискурс; институциональный дискурс; профессиональный язык; языковая личность; регистр; контекст; коммуникативный акт.

Солнышкина Марина Ивановна, д. филол. н., профессор
Казанский (Приволжский) федеральный университет
mesoln@yandex.ru

Казачкова Мария Борисовна, к. филол. н.
Одинцовский гуманитарный университет
MBKazachkova@yandex.ru

Калинкина Татьяна Евгеньевна
Университет управления «ТИСБИ»
tatjana_kalinkina@mail.ru

ЭКЛЕКТИКА ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОГО ДИСКУРСА: НОРМА ИЛИ НАРУШЕНИЕ?®

Современная когнитивно-дискурсивная парадигма языкознания имеет в своем арсенале десятки исследований, нацеленных на создание типологий языковых средств и/или коммуникативных стратегий, используемых в рамках одного дискурса. В большинстве исследований делается вывод об отсутствии монотипности дискурса, о его гетерогенности [22], гибридации [4], конверсионализации [25]. В научный оборот введены термины полидискурсивность [11] и интердискурсивность [23]. Р. Водак пишет о том, что ни один из современных институциональных дискурсов не может быть сведен к единому гомогенному типу дискурса, он есть континуум различных взаимозависимых, но противоборствующих дискурсов единой конситуации (setting) [38, p. 12]. Описывая современные изменения в русскоязычном дискурсе, российские ученые выделяют в качестве перво-причины в первую очередь «демократические изменения в российском социуме последнего десятилетия», которые, свою очередь, во многом повлияли на «синтетические» процессы в ряде институциональных дискурсов. В частности, политический дискурс характеризуется как некий сплав «официально-делового, публицистического стилей и “сниженного” вплоть до фени, педагогический – синтез научно-популярного и разговорно-бытового стилей и т.д.» [15, с. 62]. Подобного рода характеристики наблюдаемы, например, и в политическом дискурсе западноевропейских стран: «Многие из речей, [произносимых политиками,¹] могут иметь не одну, но ряд сложных, переплетающихся, а, порой, не до конца осознанно определяемых ими целей. Отсюда – смешение в одном дискурсе различных жанров» [35]². Дополнительно укажем, что при категоризации типа дискурса должны иметь место учет его функциональных параметров и целей [Там же].

Современная научная парадигма содержит в своем арсенале работы, нацеленные на изучение так называемых «стилевых швов», демонстрирующих изменение регистра общения от высокого к низкому и наоборот в институциональном дискурсе. Именно поэтому одним из наиболее интересных «белых пятен на карте»

© Солнышкина М. И., Казачкова М. Б., Калинкина Т. Е., 2015

¹ Вставка наша.

² Здесь и далее перевод на русский язык осуществлен авторами статьи.

современной социолектологии остается вопрос о том, возможно ли сохранить однородность институционального дискурса при интрапрофессиональной коммуникации, или инородные «острова» и «вкрапления» суть коммуникативные нормы. Эта проблема приобретает особую значимость, если учесть, что социум разрабатывает целый комплекс специализированных процедур для осуществления контроля «производства дискурса». Одной из основных функций такого рода процедур состоит в том, чтобы нейтрализовать его (дискурса – вставка наша) «властные полномочия и связанные с ним опасности» [19, с. 51], а в качестве наиболее типичной процедуры общество традиционно избирает запрет [Там же].

Стандартизация профессионального общения наиболее ярко выражена в институтах с высокой степенью ритуализированности и формализованности (судебная практика, военное дело, экзаменационный дискурс и др.) и поддерживается специальными документами, отражающими существующую систему установленных стандартов. Например, изучая профессиональную коммуникацию в английском суде, Т. В. Дубровская [5] указывает на значимость ритуализированности, практикуемой в залах английского суда. Доказывая данное положение и подтверждая важность традиций и конвенций в английской правовой системе, Т. В. Дубровская, в частности, обращает внимание на объем специального справочника «Титулы и формы обращения: руководство по правильному использованию», которому обязаны следовать все участники судебного заседания. Двенадцатое издание, вышедшее в 1964 г., имело 164 страницы [36], книга пережила 22 переиздания, а ее современный вариант насчитывает уже 240 страниц [37]. «Правила и фразеология радиообмена при выполнении полётов и управлении воздушным движением» [30] – еще один документ, доказывающий «долженствующе-предписывающий характер» (термин Мальковской, 2004) профессиональной «фразеологии» [13, с. 21]. Соответствующий регламент утвержден и для переговоров «при поездной и маневровой работе» в железнодорожном транспорте [29]. Жестко регламентирован дискурс государственных служащих [28].

Считается, что кодификация профессионального языка нацелена на сообщение его единицам сигнальной функции, выполняющую которую зафиксированные ранее в письменных источниках единицы профессионального языка «воспроизводятся в устной речи стандартизованно, без изменений» [3]. При отсутствии воспроизводимости профессиональное «общение лишалось бы привычного автоматизма и вызывало бы излишнее интеллектуальное напряжение у собеседников» [20]. Данные идеи созвучны идеям Т. Гивона [26] о том, что языковые смыслы стремятся к реализации в ономотопических формах, поскольку узнаваемость референта по форме детерминирует экономию усилий при кодировании и декодировании соответствующего знака [16].

Таким образом, с одной стороны, правила институциональной коммуникации и свойственный социуму консерватизм нацелены на сохранение стандартизованных форм и дискурсивных практик. Но, с другой стороны, «чистые» статусные и личностные виды общения» [10] стремятся к «диверсификации» средств и форм даже при стабильном экстралингвистическом контексте? Почему даже диалоги радиообмена в авиации и морской подвижной службе, где ошибка может стоить жизни, содержат «острова» обыденного дискурса? В данном случае наибольший интерес представляют не маргинальные жанры на периферии любого институционального дискурса, такие как, например, разговор стажера и опытного профессионала, интервью работодателя и выпускника вуза, но эклектические «острова» в ядерном пространстве дискурса при интерпрофессиональной коммуникации. Например, переход на более низкий регистр в диалоге судьи и адвоката, учителя и директора школы, двух врачей при общении на профессиональные темы. В данном случае речь не идет о ситуациях, в которых имеет место смена семантического контекста, например, внезапное узнавание старого знакомого в ходе профессионального диалога двух инженеров. Подобным образом отдельно следует изучать дискурсивные практики профессиональной коммуникации при смене темы диалога. Примером могут быть возникшие у одного из партнеров по коммуникации воспоминания, не имеющие непосредственного отношения к теме профессионального обсуждения. В такого рода случаях могут иметь место и регистровые изменения, как правило, в направлении высокий → низкий регистр коммуникации. Совершенно особую ситуацию общения представляют случаи, когда диалог равностатусных коммуникантов превращается в полилог при присоединении к нему одного или нескольких коммуникантов другого статуса – более высокого или низкого. Отдельно следует рассматривать также ситуации общения в экстремальных условиях или при возникновении угрозы жизни [1; 21]. Возможно, условием полидискурсивности, обретаемым языковой личностью в процессе социализации, является «социальная полифункциональность» языковой личности, трактуемая в современной лингвистике как результат разных степеней освоения различных фрагментов мира и как способность реализовывать более чем одну роль в социуме?

Очевидно, что ответ(ы) на заданные вопросы следует искать в составляющих самого процесса коммуникации.

Основной единицей, функционально цельным фрагментом коммуникации, как известно, является коммуникативный акт, трактуемый современной парадигмой как двуединство ситуации и дискурса. В качестве компонентов коммуникативного акта выделяем конситуацию, контекст, пресуппозицию, речь [12], отражающие собственно-лингвистические и экстралингвистические аспекты дискурса. Современная лингвистическая парадигма также предлагает алгоритмы изучения дискурсивных практик различных сообществ [17]. Дискурсивные практики, «основным способом реализации которых выступает текст» [9], трактуются как «...совокупности анонимных исторических правил, всегда определённых во времени и пространстве, которые установили в данную эпоху и для данного социального, экономического, географического или лингвистического пространства условия выполнения функции высказывания» [18, с. 117]. Моделирование дискурсивных практик предлагается осуществлять при помощи ряда параметров: « $DP = \{A, T, R, E, AP, Ch, TS\}$, где А – высказывания (тексты), Т – тема (определяет, какие высказывания могут встречаться, а какие нет), R – правила построения высказываний, E – цели и ожидания аудитории, AP – процедура принятия высказываний, Ch – каналы распространения информации, TS – пространственно-временные характеристики» [8].

Как видим, параметры дискурсивных практик во многом дублируют компоненты коммуникативного акта. При этом предлагаемый список параметров только в самых общих чертах характеризует алгоритм их анализа. «Типы дискурсивных практик категоризируются в ходе непосредственного (или включенного) наблюдения, а также анализа информационных потоков на всех имеющихся у данного социума каналах информации и, наконец, спецификации полученных результатов экспертами» [Там же, с. 89].

Рассмотрим, каким образом учитываются данные компоненты коммуникативного акта (или параметры дискурсивных практик) при изучении институционального дискурса. Добавим только, что осуществление такого рода исследований достаточно сложно, поскольку трудности очевидны как при сборе соответствующего материала, так и выборе методологии научного поиска. Особо интересны в данном аспекте квазиспонтанные (звучание подготовленного, обдуманного, но не написанного текста, например, обмен «дежурными» репликами пилота и диспетчера, ответы дежурного относительно расписания транспорта, ответы-заготовки на совещании или во время деловой встречи) и спонтанные (неподготовленные) тексты. Значимость изучения квазиспонтанной и спонтанной профессиональной речи достаточно высока, если учесть, что именно данные два типа речи являются наиболее репрезентативными при описании «индивидуальных и групповых свойств личности» [7, с. 30], поскольку «в них наиболее полно и системно проявляются речевые навыки и привычки говорящего, а также признаки, которые остаются за пределами сознательного контроля при речепроизводстве» [Там же, с. 44]. С учетом вышесказанного исследования, осуществляемые в рамках когнитивно-дискурсивного подхода и нацеленные на изучение одного или нескольких компонентов коммуникативного акта (конситуация, контекст, пресуппозиция, речь) и их динамику при смене коммуникативных тактик и стратегий, на наш взгляд, могут оказаться высоко результативными.

Давая определение языковой способности (компетенции) личности как способности не только понимать, но и создавать высказывания, которые, в первую очередь, должны соответствовать семантическому контексту, а уж потом – прескриптивной грамматике, Р. Кэмпбелл и Р. Уэлс фактически подтверждают значимость конситуации, т.е. экстралингвистического контекста, для коммуникации [24]. Коммуникативно успешный диалог возможен только при полном понимании партнерами ситуации общения и владении соответствующими языковыми кодами. При этом необходимость переключения (суб)кодов, осуществляемого в направлении «обыденный язык → профессиональный язык», «профессиональный язык → обыденный язык», «профессиональный язык 1 → профессиональный язык 2», «профессиональный язык → невербальное поведение», становится очевидной только для коммуникантов, социализированных в данном профессиональном сообществе. Переключение кодов коммуникантами имеет место при изменении одного или нескольких параметров конситуации (состав и/или роли коммуникантов, место, условия, протяженность во времени и др.) или семантического контекста коммуникативного акта, «имплицитно или эксплицитно выраженных смыслов, реально существующих, являющихся частью ситуации, отражающихся в дискурсе и актуальных для данного коммуникативного акта» [12].

Очевидно, что успех коммуникации и отсутствие коммуникативных сбоев при смене (суб)кода одним из участников коммуникации зависит от способности адресата «ориентироваться в сложном внутреннем пространстве, которое можно назвать системой отношений. В этом установлении отношений, выделении важного, в сведении и переходе заключается процесс, называемый обычно пониманием» [2, с. 170]. Понимание «системы отношений» – «социумная, пресуппозиция» [12, с. 104] снимает потенциальные проблемы при смене кода.

Непосредственным актуализатором языковой личности профессионала выступает профессиональный дискурс, реализуемый в профессиональном общении в широком спектре жанров: деловые беседы, приемы, заседания (собрания, совещания), переговоры (включая телефонные), дискуссии, речь в суде, на тренировке спортсмена и ряд др. Исследования отечественных и зарубежных ученых подтверждают переключения регистров в речи профессионалов. Например, изучая юридический дискурс, У. О'Барр и Дж. Конли делают вывод о необходимости обязательного владения юристом четырьмя субкодами: официальным разговорным юридическим языком, литературным английским, разговорным английским и «субкультурными вариантами» [33; 34]. Справедливости ради следует отметить, что исследователи признают, что лишь немногие из практикующих юристов могут осуществлять субкодовые переходы в ходе институционального общения [27]. Например, отдельно изучены дискурсивные практики при обращении к суду присяжных: в целях избежать ошибок в понимании юристы вынуждены менять регистр коммуникации на более низкий [31]. Однако в последнем случае речь идет об интерпрофессиональном общении, и подобного рода случаи смены регистра закономерны, например, при общении врача и пациента, учителя и ученика, риэлтера и клиента.

Дискурсивные практики профессиональной коммуникации всегда предопределены прагматическими доминантами профессиональных сообществ. Так, стремление к однозначности в юридическом дискурсе ведет к многословности, однако недостаток времени как дополнительная доминанта профессиональной коммуникации, например, в транспортной сфере, военных структурах и др. ведет к стандартизации однозначных сокращений. Именно об этом пишет Д. Макмиллан, характеризуя речь авиаторов: «Параллельная обработка информации при ведении связи и ведении и эшелонировании воздушных судов, а также линейная последовательность речевого общения налагают временные ограничения, в результате чего появляется крайняя необходимость экономить время, сокращая сообщения» [32, р. 25]. Требования краткости высказываний в подязыке радиообмена вызваны как техническими ограничениями, когда на одной частоте ведутся переговоры сразу с несколькими воздушными судами, так и зависимостью степени понимания от длительности высказывания. Чем короче сообщение, тем больше вероятность, что его поймут правильно. Кроме этого, сокращается время на формирование, выражение и восприятие мысли. Таким образом, простота и краткость текста с сохранением его смысловых нагрузок – одна из основных целей коммуникантов [6].

Еще одну причину переключения кодов исследователи видят в возможности проявления своего «Я»: «Языковые формы, используемые для экспликации “Я” в совершаемых действиях, направляются, в частности, <...> на изменение регистра коммуникации в русском академическом дискурсе, в туристическом дискурсе <...>, усиливая личностное наполнение совершаемых коммуникативных действий. Смена регистра в сторону понижения проявляет следование тенденции к обеспечению естественности, которая проявляется в отказе от формальностей в коммуникации, в выборе вербальных средств, сокращающих процессы “смены масок”, максимально проявляющих идентичность коммуниканта» [14, с. 32].

Резюмируем. Современная наука определяет уровень развития профессиональной языковой личности на основании соответствия речевого поведения и деятельности лица групповым коммуникативно-профессиональным ожиданиям. Требования профессионального социума предполагают владение тремя типами компетенций – когнитивной, предметной и языковой, в которых закреплён концептуальный, перцептивный и вербальный опыт личности, полученный в процессе социализации. Отдельно подчеркнем значимость общих аксиологических установок и интенций профессионального коллектива, а также следование стереотипам, принятым в сообществе. Современная лингвистическая парадигма рассматривает неумение языковой личности «варьировать свою речь в зависимости от условий общения», т.е. владение только одним (суб)кодом, как аномалию, которая может приводить к коммуникативным конфликтам.

Профессиональный дискурс, продуцируемый спонтанно, никогда не представляет собой монодискурс, «максимально безличный, краткий и профессионально корректный» [21].

Гетерогенность повышается в нестандартных ситуациях, для которых не прописана стандартизированная профессиональная «фразеология». В качестве причин включения элементов других типов дискурса (в первую очередь, бытового) выделяем следующие: ситуативную обусловленность и отсутствие описания всех допустимых ситуаций и норм в дискурсах с высокой степенью ритуализованности, экспликация собственного «Я», стремление к экономии.

Список литературы

1. Алексеева Л. М., Мишланова С. Л. Медицинский дискурс: теоретические основы и принципы анализа. Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 2002. 200 с.
2. Выготский Л. С. Педагогическая психология / под ред. В. В. Давыдова. М.: Педагогика-Пресс, 1996. 536 с.
3. Гарбовский Н. К. Сопоставительная стилистика профессиональной речи: на материале русского и французского языков. Изд 2-е. М.: ЛИБРОКОМ, 2009. 144 с.
4. Дрожащих Н. В. Речевая интеракция и дискурсивные практики в сложных коммуникативных событиях // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. 2011. № 1. С. 90-95.
5. Дубровская Т. В. Речь русских и английских судей как средство организации судебной драмы // Гуманитарные исследования. 2010. № 1 (33). С. 36-44.
6. Дупикова Н. Н. Синтаксические способы компрессии в диалогах радиообмена «пилот-диспетчер» на английском языке // Актуальные вопросы филологических наук: материалы Междунар. науч. конф. (г. Чита, ноябрь 2011 г.). Чита: Молодой ученый, 2011. С. 75-79.
7. Златоустов Л. В. Система антропофонических единиц в концепции Бодуэна де Куртенэ и современная просодия // Ученые записки Казанского государственного университета. Казань, 1995. Т. 131. С. 30-44.
8. Ипатова Н. А. Дискурсивная модель профессионального сообщества // Журнал социологии и социальной антропологии. 2009. Т. 12. № 3 (48). С. 82-93.
9. Ипатова Н. А. Дискурсивные практики в формировании профессиональных сообществ: автореф. дисс. ... к. соц. н. СПб., 2009. 22 с.
10. Карасик В. И. О категориях дискурса [Электронный ресурс]. URL: <http://homepages.tversu.ru/~ips/JubKaras.html> (дата обращения: 15.01.2015).
11. Кожина М. А. Языковые маркеры полидискурсивности в художественном тексте: на материале романа Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание»: дисс. ... к. филол. н. Томск, 2012. 243 с.
12. Красных В. В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? М.: Гнозис, 2003. 375 с.
13. Мальковская Т. А. Англо-русские соответствия в языковой структуре радиообмена в режиме общения пилот-авиадиспетчер: автореф. дисс. ... к. филол. н. Пятигорск, 2004. 163 с.
14. Митягина В. А. Социокультурные характеристики коммуникативного действия: на материале немецкого и русского языков: автореф. дисс. ... д. филол. н. Волгоград, 2008. 40 с.
15. Олешков М. Ю. Основные параметры модели профессиональной коммуникации (на примере дидактического дискурса) // Социокультурные проблемы в образовании: межвуз. сб. науч. тр. / под ред. А. А. Вербицкого, Н. В. Жуковой. М.: РИЦ МГОПУ им. М. А. Шолохова, 2006. С. 62-71.
16. Олешков М. Ю. Основы функциональной лингвистики: дискурсивный аспект: учеб. пособие. Нижний Тагил: Нижнетагильская государственная социально-педагогическая академия, 2006. 146 с.
17. Панова М. Н. Языковая личность государственного служащего: дискурсивная практика, типология, механизмы формирования: дисс. ... д. филол. н. М., 2004. 393 с.
18. Фуко М. Археология знаний / пер. с франц.; общ. ред. Бр. Левченко. Киев: Ника-Центр, 1996. 208 с.
19. Фуко М. Порядок дискурса // Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет / пер. с франц. М.: Касталь, 1996. С. 47-96.
20. Шляхов В. И. Речевая деятельность: феномен сценарности в общении. Изд. 2-е, испр. М.: ЛИБРОКОМ, 2010. 200 с.
21. Щетинина Н. А. Коммуникативные особенности англоязычного дискурса радиообмена гражданской авиации (с участием пилота международных авиалиний): автореф. дисс. ... к. филол. н. Тверь, 2013. 19 с.
22. Щетинина Н. А. Типичные ошибки пилотов при восприятии сообщений радиообмена гражданской авиации // Молодой ученый. 2012. № 2. С. 192-195.
23. Эрман В. А. Кинорецензия как полидискурсивный и интердискурсивный текст: на материале немецких журналистских текстов: автореф. дисс. ... к. филол. н. СПб., 2011. 23 с.

24. **Campbell R., Wales R.** The Study of Language Acquisition // New Horizons in Linguistics / J. Lyons (ed.). Harmondsworth: Penguin, 1970. P. 242-260.
25. **Fairclough N., Mauranen A.** The Conversationalisation of Political Discourse: A Comparative View // Political Linguistics. Belgian Journal of Linguistics. 1997. Vol. 11. P. 89-120.
26. **Givón T.** (ed.) Topic Continuity in Discourse: A Quantitative Cross-Language Study. Amsterdam: Benjamins, 1983. Vol. 3. Typological Studies in Language. vi+492 p.
27. **How Different Registers of Language Shape Our Identity** [Электронный ресурс]. URL: <http://17arneenglishstudy.weebly.com/blog/how-different-registers-of-language-shape-our-identity> (дата обращения: 15.01.2015). -
28. http://img.artlebedev.ru/kovodstvo/sections/102/GOST_R_6.30-2003.pdf (дата обращения: 15.01.2015).
29. <http://www.indin.ru/rzg/raznoe/684r1.html> (дата обращения: 15.01.2015).
30. <http://www.royfc.com/documents/radioobmen.pdf> (дата обращения: 15.01.2015).
31. **John G.** Language and the Law [Электронный ресурс]. URL: <http://www.uefap.com/writing/research/langlaw.htm> (дата обращения: 15.01.2015).
32. **McMillan D.** "...Say Again?..." Miscommunications in Air Traffic Control. Queensland University of Technology, 1998. 60 p.
33. **O'Barr William M., Conley John M.** Just Words: Law, Language and Power. Chicago: University of Chicago Press, 1998. 168 p.
34. **Philips S. U.** Strategies of Clarification in Judges' Use of Language: From the Written to the Spoken // Discourse Processes. 1985. № 8. P. 421-436.
35. **Teun A. van Dijk.** What is Political Discourse Analysis? Key-Note Address Congress Political Linguistics (Antwerp., 7-9 December 1995) // Political Linguistics / J. Blommaert & Ch. Bulcaen (eds.). Amsterdam: Benjamins, 1997. P. 11-52.
36. **Titles and Forms of Address: a Guide to their Correct Use.** 12th edition. L.: Adam&Charles Black, 1964. 164 p.
37. **Titles and Forms of Address: a Guide to their Correct Use.** 22nd edition. L.: Adam & Charles Black, 2009. 240 p.
38. **Wodak R.** Disorders of Discourse. L. – N. Y.: Longman, 1996. 181 p.

THE ECLECTICISM OF INSTITUTIONAL DISCOURSE: STANDARD OR VIOLATION?

Solnyshkina Marina Ivanovna, Doctor in Philology, Professor
Kazan (Volga Region) Federal University
mesoln@yandex.ru

Kazachkova Mariya Borisovna, Ph. D. in Philology
Humanities University of Odintsovo
MBKazachkova@yandex.ru

Kalinkina Tat'yana Evgen'evna
University of Management "TISBI"
tatjana_kalinkina@mail.ru

In the article the heterogeneity of the texts of a number of modern discursive practices, actualized in professional communication, is described. The research is based on the functional classification which divides the discursive practices into intra-professional and inter-professional. The heterogeneity and "inhomogeneity" are proved by the example of a number of discourses texts: legal, aviation, railway, educational, commercial, marine and others.

Key words and phrases: discourse; institutional discourse; professional language; linguistic personality; register; context; communicative act.

УДК 8; 82.0

Филологические науки

Статья посвящена взаимосвязи творчества и истории в романе англоязычного постколониального писателя Салмана Рушди «Земля под ее ногами», осмыслению образа творческой личности. Многочисленные реалии постколониальной действительности, свойственные второй половине XX – началу XXI века находят отражение в искусстве. В контексте происходящего возрастает роль творческой личности. В трагическую историческую эпоху именно творчество, по мнению Рушди, становится для человечества объединяющей силой, которая дарит людям долгожданную гармонию. Постколониальные писатели актуализируют в своих произведениях особый тип творческой личности – художник-хамелеон. Способность к мимикрии позволяет творческой личности адаптироваться к современной действительности. В статье также освещается тема противостояния «восточного» и «западного» типа культур и его отражения в мировоззрении героев романа.

Ключевые слова и фразы: история; творчество; английская постколониальная литература; Салман Рушди; образ творческой личности; мимикрия; хамелеонство; оппозиция Восток – Запад.

Струкова Екатерина Алексеевна

Московский педагогический государственный университет
strukova1409@mail.ru

ВЗАИМОСВЯЗЬ ТВОРЧЕСТВА И ИСТОРИИ В РОМАНЕ С. РУШДИ «ЗЕМЛЯ ПОД ЕЕ НОГАМИ»[©]

Магистральные темы романа одного из крупнейших современных английских прозаиков индо-пакистанского происхождения С. Рушди «Земля под ее ногами» («The ground beneath her feet», 1999) – история и творчество.